

Митрополит АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

Беседа христианина с магометанином об истине Пресвятой Троицы

Ибрагим, старый татарский мулла, был хороший знакомый псаломщику Ивану Федотовичу, который умел прекрасно говорить по-татарски; они часто рассуждали о вере и спорили, какая вера лучше — татарская или русская. Однажды после долгого спора Ибрагим сказал:

— Ты умный человек и если бы ты согласился прочитать наш Коран, то наверно сделался бы добрым магометанином.

— А я тебе хотел сказать, что ты очень добрый человек, — отвечал псаломщик, — и если бы ты узнал нашу веру, если бы хотя прочитал Новый Завет, то полюбил бы христианство и постепенно убедился бы в его правоте и принял бы крещение.

— Знаешь что, — воскликнул мулла, — дай мне твой Новый Завет, а я тебе дам Коран. Назначим 40 дней сроку, чтобы нам узнать новую книгу чужой веры, а до того времени не будем говорить о вере ни слова и даже видеться друг с другом не будем.

Как сказали, так и сделали. Иван Федотович начал читать Коран, а Ибрагим Гасанов Новый Завет. Хотелось им при встрече друг с другом поговорить, но, помня свои зароки, они расходились молча; и только на 40 день Ибрагим рано утром пришел к псаломщику с книгой; щеки его горели и глаза блестели: он хотел говорить о Евангелии и о Посланиях Апостольских, но удержал себя и спросил псаломщика:

— Понравился ли тебе Коран?

— Много понравилось, — отвечал псаломщик, — но это я знал и раньше из христианских книг, которые написаны до Магомета и из которых Магомет научился, как проповедовать людям, что Бог велик и свят, что мы должны в том полагать свою жизнь, чтобы

слушаться воли Божией, покоряться той участи, какую Он нам посылает, помогать бедным и пр.; не правда ли, ты всё это читал в Новом Завете?

— Читал, но ведь Магомет учил ещё многому, кроме того, что ты сказал.

— А всё, что Магомет говорил сверх Нового Завета, мне не понравилось, — отвечал псаломщик, — но, если я начну говорить об этом, ты рассердишься, а лучше ты обрадуй меня, — расскажи, что тебе понравилось в христианской вере.

— Мне почти всё понравилось, — отвечал мулла, — я жалею, что раньше не читал ваши книги; ты знаешь, я прямой человек и не люблю лукавить, как другие, а потому хоть и тяжело мне признаться, но скажу тебе, как доброму человеку, по секрету от моих жён и приятелей, что когда я читал слова Иисуса о прощении врагов и любви к Богу, то я плакал от радости и целовал книгу; а когда прочитал о подвигах Апостола Павла в Деяниях, то дал себе слово больше никогда не проклинать его, как делал раньше. Но всё-таки я не могу быть христианином. Вот ты сказал, что Магомет ничего доброго не прибавил к христианской вере, а я скажу: хотя много доброго он убавил, но и прибавил одно доброе: лучше сказать — исправил вашу веру в одном правиле. Он сказал, что Бог один, а вы учите, что богов три: Отец, и Сын, и Святой Дух.

Федотович замахал руками и воскликнул:

— Мулла, как тебе не стыдно клеветать на нас! Пусть, — прибавил он спокойнее, — пусть такие глупости говорят ваши невежды — торговцы, или те хитрецы, которые, рассуждая о вере, не истины ищут, а стараются обмануть простых людей, а ты ведь не напрасно называешь себя прямым человеком; ну, скажи, где же ты прочитал в Новом Завете о трёх богах? Ведь Иисус Христос прямо говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога»¹.

— Так, так, — отвечал Ибрагим. — Апостол Павел говорит: «Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас»². И много других есть изречений в Новом Завете о единстве Божиим, а по другим изречениям выходит, что и Иисус есть Бог, Святой Дух — Бог; значит три Бога?

¹ Ин. 17: 3.

² Еф. 4: 6.

— Поговорим об этих изречениях подробнее, — сказал Федотович. — Я по крайней мере вижу, что ты всё-таки читал мою книгу, а поэтому я успокоился. Итак, ты согласен с тем, что в Евангелии Иисус Христос признаётся Богом?

— Знаю, зачем ты меня об этом спрашиваешь: прежде, со слов наших старых мулл, я говорил, что в Евангелии Иисус не признает Себя Богом и что это выдумали позднейшие христиане, начиная с Апостола Павла. Теперь, прочитав Евангелие, я знаю, что в нём изложена та же самая вера, которую проповедовал Павел и которую вы содержите, потому что, если Иисус и не сказал ни разу прямо: «Я Бог», то всё-таки давал всем понять, что Он Бог, потому что говорит: «Я и Отец одно», и когда его спросили: «Кто же Ты?», Он отвечал: «Из начала Сущий»³, а затем прибавил: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь»⁴.

— Ах, как мне радостно слышать слова евангельские из твоих уст! — воскликнул снова псаломщик Федотович на этот раз уже не с гневом, а с удовольствием. — Как рад я, что ты больше не будешь обвинять Апостола Павла и христиан в искажении Евангелия.

— Напрасно радуешься, — ответил мулла, — пока я думал, что учение о Троице выдумали христиане, я не считал Евангелие учением многобожников, а теперь, хотя полюбил твоё Евангелие больше прежнего и прибавлю по секрету — больше нашего Корана, но вижу, что наравне с самыми святыми истинами о жизни нашей, оно содержит учение о трёх богах.

Псаломщик опять заволновался:

— Да ведь сам же ты привёл слова Нового Завета о единстве Божиим.

— Да тем хуже, что Завет ваш сам себе противоречит: сколько ни говори, что Бог един, но если у Бога есть ещё Сын, то будет два бога, а если есть ещё Дух Святой, Который не Отец и не Сын, то уже выйдет три бога, а не один.

Когда мулла говорил эти слова, то к говорящим подошел сторбленный старичок-странник, одетый очень бедно, в лаптях, в широкой шляпе, опираясь на простую палку. Он поклонился сидевшим на брёвнах собеседникам и, видимо, готовился попросить у псаломщика гостеприимства, но, услышав последние слова татарина, он друг встрепенулся, вытянулся во весь свой рост и, остановив рукою

³ Ин. 8: 25.

⁴ Ин. 8: 38.

псаломщика, который хотел что-то сказать, обратился к Ибрагиму с вопросом:

— А ты Евангелие прочитал?

— Да,— сказал тот,— и Евангелие и Послания.

— Слава Богу, вздохнул странник: уже за одно это скажу тебе, что ты хороший человек.

— А ты, старик, какой человек? — спросил мулла, удивляясь его смелости и не зная, сердиться ли ему или смеяться,— меня хорошим вся деревня называет, а твою похвалу, пожалуй, назад возьми: тебе Федотович и так даст кусок хлеба и ночлег.

— Да я и голоден и спать хочу,— сказал старик,— и человек самый худой, но Спаситель мой, Христос, лучше всех, и для Его славы и для спасения твоей души я буду не спать всю ночь и не есть сегодня и завтра, если только ты согласишься один час поговорить со мною о Пресвятой Троице.

Мулла с удивлением смотрел на этого нищего, которого бледное лицо разгоралось, а глаза устремлялись к небу.

— Зачем тебе голодать,— сказал он,— вижу, что ты человек благочестивый, пойдём все трое ко мне, подкрепимся пищей и послушаем тебя.

Когда они вошли в дом, то две жены муллы с удивлением поглядывали из-за занавески на вошедшего нищего,— Федотовича они и раньше часто видели у своего господина и ему не удивлялись. Однако, когда мулла подошел к занавеске брать от них кушанье, то они молча подавали ему всё так, как нужно для трёх человек.

Приняв пищу вместе с гостями, мулла обратился к гостю-старика:

— Дед, я догадался, о чем ты будешь говорить мне, но я это слышал уже от его сына-семинариста (он указал на псаломщика), ты наверно скажешь, что Бог один, но в Нём три личности, и три эти личности составляют одно, как в солнце свет и теплота одно, или во рту человека дыхание и слово, а человек один. Только мне эти сравнения показались пустыми: я сам могу назвать тебе много вещей, которые состояли из отдельных частей, а все части составляют одно; вот и стол: у него четыре ножки и пятая — доска, а стол один; в окошке четыре стекла, а окно одно; только это всё не к делу.

— Отчего же не к делу? — закричал Иван Федотович.

— Потому что — то вещи, а то живые существа. Вот найди мне, чтоб две курицы составили одну птицу, или три льва — одного зверя, или три человека — одного. Это ты мне никогда не покажешь: всё будет три человека, а не один, и богов у вас три, а не один.

— А если покажу? — тихо спросил старик.

— Если покажешь,— воскликнул мулла,— то я обещаю быть христианином и крещусь! Только ты никогда мне этого не покажешь,— прибавил он торопливо и ещё громче, потому что услышал сердитый кашель за занавесками.

— Никогда ты мне этого не покажешь и христианином я не буду, а скорее тебя обращаю в ислам,— снова заговорил он громко,— пойдём продолжать нашу беседу на улицу,— сперва ты говори, а потом я, а здесь пусть убирают со стола.

Федотович взялся за шапку и шепнул мулле:

— Однако у тебя сердитые жены, уйдём от них поскорее.

Усевшись по-прежнему на брёвнах, мулла засмеялся и сказал:

— Вот не могу научиться вашему терпению к жене. Всякое непослушание или вмешательство в мой разговор со стороны жён меня так сердит, что не будь вас, я бы поучил их. Ваш Павел говорит, что муж и жена одно тело, а я так себя чувствую, что как будто я — свет, а они — темнота, я — тепло, а они — холод; где я, там нет им места, а как они забирают место, так меня теснят. Ну, как это может быть, чтобы два или три существа стали одно? Отец, и Сын и Св. Дух — один, два, три: три бога, а не один.

— Ты хорошо начал беседу,— сказал старик,— и вот теперь будем говорить дальше.

— Ну, говори, буду слушать.

— Нет,— отвечал старик,— говори ты сам, а я буду тебя спрашивать, чтобы не моя, а твоя душа сказала истину. Скажи мне прежде: всегда ли ты одинаково чувствуешь свою борьбу с жёнами за преобладание в доме; это скажи прежде, а потом скажи: со всеми ли людьми ты такую борьбу чувствуешь, как будто вы друг друга вытесняете с места, или с некоторыми хуже чувствуешь, а с некоторыми лучше?

Мулла немного помолчал, а потом ответил:

— Конечно, чувства мои к жёнам бывают разные; когда рассердишься, то, кажется, на целом свете нам тесно втроём; когда бываешь спокоен, то они мне не мешают, ну, а ведь, особенной нужды в них я тоже не чувствую — мне 65 лет, да им под 60 лет, нам не до нежностей: прошло наше время.

— Пусть будет так,— сказал странник.— Теперь скажи мне, не чувствуешь ли ты иногда нужду в том, чтобы жёны были близко от тебя, не для удовольствий, а для сердечной беседы, особенно, когда на долгое время уйдёшь от них?

— Ну, конечно, иногда и соскучусь по своим старухам,— отвечал Ибрагим,— только мы ведь хотели говорить о Боге, а не о жёнах.

— Дойдём и до Бога,— был ответ странника, и лицо его озарилось кроткой улыбкой,— скажи мне ещё, мулла, кого ты любишь, кроме жён? Есть у тебя дети?

— Есть, милый сын мой, добрый шакирд в Казани и красавец какой! Ах, как мне скучно бывает, если долго не вижу его; теперь ожидаю его к себе со дня на день. Он такой ласковый мальчик и, хотя гораздо учёнее меня, но всё не хочет обидеть старика своим превосходством и спрашивает моих объяснений, а того не понимает, глупый мальчик, что я сам вижу, насколько он умней меня, и радуюсь этому, а ещё больше радуюсь, что вижу его смирение и желание уступить мне. Была у меня ещё дочка, да умерла бедная.

— Скажи теперь, добрый мулла,— продолжал старик свои вопросы,— для сына и для тебя везде довольно места и вы не мешаєте друг другу, как мешают тебе жёны?

Лицо муллы озарилось блаженной улыбкой и, когда он начинал говорить о своем любимце, то так увлекался, что забывал главную цель беседы со странником.

— Что ты говоришь мне! — воскликнул он.— Да если бы мы были среди моря на маленьком камне, то нам было бы не тесно: мы бы и там уступали место друг другу и каждый из нас готов был бы броситься в воду, чтобы спастись другой.

— Видишь, мулла,— сказал странник,— не всегда и не все люди мешают друг другу. Не расскажешь ли ты нам, бывают ли такие минуты, когда и с жёнами ты так же дружен бываешь, как с сыном?

Мулла продолжал говорить уже как бы не для странника, а самому себе, отдаваясь голосу своего сердца.

— О, да, только это бывает во время общей грусти, когда мы вспоминаем о нашей бедной Фатиме. Это была такая добрая, кроткая душа, что обе жены мои любили её одинаково; так любили её, что и Соломон Царь не мог бы отгадать, кто из двух жён была её матерью. Добрая душа умершей дочери только о том и старалась, чтобы в доме был мир, и когда мы ладили, она прыгала от радости, точно ей сто рублей подарили.

— Еще будь добр, скажи мне, когда ты сам бываешь ближе к истине: тогда ли, когда ссоришься с жёнами за преобладание в доме, или вспоминаешь с ними о дочери?

— Ну, что и спрашивать об этом,— засмеялся Ибрагим,— в ссорах нет ничего хорошего, а одна только глупость; когда мы говорим с жёнами о Фатиме и поплачем с ними, то я вижу, что

я и не злой человек и они добрые бабы, а потом, смотришь, опять шайтан пройдёт и спутает нам головы и мы мучаем друг друга бранью, точно забываем, что это глупо и жестоко. А когда снова вспомним Фатиму, то я по лицам старух читаю их мысли; да и сам думаю о том же, думаю: «Вот кабы всегда на душе у нас так было, то и за деньги не стали бы браниться и ссориться: мир и любовь дороже золота».

Да, наша добрая Фатима, Бог лишил нас твоего присутствия, но мы, когда говорим о тебе, то у нас трёх бывает как бы одна душа, потому что всё злое уходит от нас, а остаётся только доброе; мы даже чувствуем все трое, о чём каждый из нас думает; нам даже иногда кажется, что и Фатима сидит среди нас и улыбается нашему единому сердцу.

Странник взял муллу за руки и сказал:

— Мулла, ты больше не скажешь, что невозможно двум или трём существам стать одним! Не твои ли были сейчас слова, что одна душа и одни мысли бывают у вас всех трёх?

Муллу встрепетулся:

— Ты поймал меня на словах, хитрый старик! — воскликнул он, но без гнева, а, напротив, с радостью. Потом он опустил голову и заговорил медленно. — Да, я узнал что-то новое и от тебя, и от самого себя; ты умный и хороший человек. Скажи только мне самое потолковее, что следует из моих признаний.

— Изволь, — кротко и радостно заговорил странник. — Из твоих признаний выходит, что люди потому только не могут верить в то, что три Лица Святой Троицы составляют одно Божественное существо, потому только, говорю, что они, враждуя друг с другом, думают, будто всякий человек или вообще всякое живое существо противно другому и мешает ему, так что не может один и другой быть одним существом. Выходит дальше, что это враждебное чувство противоположности, эта борьба людей слабеет, когда они не поддаются шайтану, который ссорит людей и мутит их разум. Тогда они чувствуют любовь друг к другу и радуются взаимной близости своей так, что им не тесно, а радостно бывает вместе, а когда хотя бы один такой любящий человек освободится от тела, и только чистый дух его останется в памяти и в сердце людей, то вместе с грустью о видимой разлуке с ним близкие люди чувствуют, однако, и близость к себе умершего, и взаимную друг с другом привязанность так сильно, как будто бы у них одна душа. А я тебе прибавлю вот что: Отец никогда не ссорится с Сыном и Св. Духом, и никогда не разномыслят, и шайтан не мо-

жет путать Их ум, и они никогда не разлучаются друг с другом. Теперь скажи: если даже для нас, грешных людей, бывают такие минуты просветления, когда всякая рознь исчезает между нами, то не больше ли ещё сознают всегда Своё единство Отец, и Сын, и Святой Дух? И если ты и родные твои в самые разумные часы твоей жизни чувствуете единство души, то зачем называешь ложным наше учение, что Отец, и Сын, и Дух Святой один Бог, а не три бога?

Слушая эти новые для себя слова, мулла широко открыл глаза и даже рот от изумления; долго не мог он ничего говорить и тёр свой лоб рукой.

— Постой, ещё одно слово, — заговорил он наконец, — ведь по-твоему выходит, что не только Бог может быть один и в то же время троичен, но, и мы, люди, можем быть такими, а ведь всё-таки мы все не одно. Пусть мне иногда кажется, что душа моя сливается с другими, кого я люблю, но, ведь, я не всех люблю, да и те, кого я люблю, всё-таки остаются отдельными существами.

— Друг мой! — сказал в ответ старик, всё смягчая свой голос. — Ведь ты сам сказал, что твоё единство с другими ты чувствуешь не тогда, когда заблуждаешься, а, напротив, когда бываешь настоящим разумным человеком. Если это с тобой бывает не часто, а с другими почти никогда, то разве этим мы измеряем истину? Ведь все люди постоянно грешат, а всё-таки мы оба с тобой скажем, что грешить неразумно, что справедлива только добродетель, хотя и редко встретишь её на земле.

— Хорошие слова ты говоришь, — задумчиво прервал его речь Ибрагим, — но трудно поверить мне, чтобы душа моя могла сродниться со всеми людьми, даже с врагами.

Тут в разговор вмешался псаломщик:

— А разве тебе не понравилось учение Иисуса Христа, что ближний наш есть не только всякий наш родственник, или друг, но и всякий вообще человек?

— О, конечно, понравилось, особенно полюбилась мне притча Иисуса о Милосердном Самарянине: увидел самарянин врага своего еврея, брошенного разбойниками чуть живым, мимо которого проходили свои люди и брезговали, чтобы остановиться и помочь ему; увидел это самарянин, слез с осла своего и обмыл раны больного, положил его на осла и привёз в город в гостиницу, а сам шёл пешком. Да этот самарянин был родной для всех. И я согласился признать, что чем лучше и умнее человек, тем больше он людей

считает себе друзьями, а самый лучший тот, кто всех любит и никого не считает врагом.

— И ещё более родным для всех может быть человек, — продолжал речь странник, — если он отдаёт себя на служение Христу, тогда у него своих собственных интересов вовсе нет и ничем его нельзя рассердить и вступить в борьбу за себя с другими. Тогда его душа связана с душами ближних и он чувствует их скорби и их грехи, как бы свои собственные. Помнишь, как восклицал Павел Апостол в послании к Галатам: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»⁵ — и в другом месте он радуется доблестям христиан, как бы своим собственным: «И так, братия мои возлюбленные и возжеленные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные»⁶; а вот его чувства к слушателям его проповеди: «Уста наша отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас»⁷. Такие чувства у святого Апостола к чужим для него людям, а может ли иметь лучшее чувство даже мать к своему ребенку?

— Но ведь это одни чувства, — возразил Ибрагим. — Впрочем, опять скажу: Павел великий, святой человек; наши бранят его, потому что не знают. Но ведь Павел и все добрые и злые люди всё-таки отдельно жили, каждый в своем теле, как и мы живем теперь отдельно.

— Да, — отвечал странник, — по-видимому, пока отдельно, потому что мы ограничены телом, но от тела освобождаются люди после смерти, а по воскресении они приобретают такие тела, как Христос воскресший: для этих тел нет препятствий, и в пространстве, потому что они быстро переносятся с места на место, ни в какой иной преграде, потому что они проходят и через стену и через воздух, как сказано в Евангелии.

— Итак, по-твоему, выходит, — заговорил снова мулла, — что, когда люди освободятся от тела и от всякого греха, то они будут одним человеком, оставаясь всё-таки отдельными личностями? Вот найди мне такое изречение в Священном Писании, тогда я поверю, что и учение о Троице ты правильно мне изъяснил.

— На это уже я сумею ответить, — воскликнул радостно псаломщик, тоже с удивлением слушавший странника. — Апостол

⁵ Гал. 4: 19.

⁶ Флп. 4: 1.

⁷ 2 Кор. 6: 11–12.

Павел повествует, как обращавшиеся ко Христу, дотоле враждебные между собой, греки и иудеи, стали все вместе одним человеком. Вот что говорит он о Спасителе: «Он — есть мир наш, соделавший из обоих одно... и далее: дабы из двух создать в Себе самом одного нового человека, устроая мир»⁸. То-то я прежде всё читал у отцов церкви и не понимал: они постоянно говорят, что естество человек одно, как и естество Св. Троицы, а только единство наше ослаблено грехами людей и восстанавливается искуплением Иисуса Христа... Да, да, — прибавил Федотович, как бы вспомнив что-то, — св. Григорий Нисский даже так говорит: ты спрашиваешь меня, как может быть Отец, и Сын, и Святой Дух не тремя богами, а одним Богом, если люди, например, Пётр, Павел и Иоанн, всё-таки составляют не одного человека, а трёх человек. На это отвечаю, — продолжает св. Григорий, что это выражение — «трёх человек» — неправильное, человечество одно, а различны только личности. Так в человечестве, которое ограничено, тесно и греховно, а в Божестве, где все Лица святы, бестелесны и неограничены, нет никакого разделения, «но один воистину Бог наш».

— Да, приблизительно так, — прибавил странник. — Ты приводишь по памяти слова св. Григория из послания его к Авлалию.

Лицо муллы горело и радостью, и борьбой; он сказал, задыхаясь от волнения:

— Я не знаю св. Григория — приведи мне такие слова Иисуса, из которых я бы увидел, что любовь и разум среди людей должны восторжествовать с такой силой, что они будут одно в своём множестве; тогда я уверю во Св. Троицу и буду христианином.

Говоря так, Ибрагим вскочил на ноги и воскликнул:

— О, тогда я пойму, почему христиане так дорожат своей Троицей! Я пойму, что верить в единство Отца и Сына нужно для того, чтобы не поддаваться нашему общему разделению на земле, а ожидать лучшей жизни, потому что, уже если в Боге истинном существует множественность в единстве, то нам ли сомневаться в том, что и наше разделение может кончиться, и мы подобно триединому Богу, будем едино, как Он! Найди мне такие слова в Евангелии или в Новом Завете, — воскликнул он снова, — и я буду дорожить учением о вашей Троице больше всех прочих слов Иисуса.

— Вот эти слова, — торжественно сказал Иван Федотович, раскрывая Новый Завет, возвращённый ему сегодня муллой. — Слушай,

⁸ Еф. 2: 14–16.

какой молитвой заключил Иисус Христос Свои прощальные наставления ученикам: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, отче и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня».

Федотович начал важным и торжественным голосом, но при словах «да уверует мир» голос у него оборвался от умиленных слёз и он, плача, продолжал читать: «Да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во Мне, да будут совершены по едино и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня»⁹.

Федотович вдруг бросился на шею Ибрагиму:

— Брат! — воскликнул он. — Не отвергай твоего Спасителя! Ты дал уже слово быть Его учеником, если услышишь эти слова.

Глаза Ибрагима были орошены слезами:

— Но мой сын, мои жёны! — воскликнул он, закрывая лицо руками.

Вдруг он почувствовал, что кто-то нежно прикасается к его рукам, покрывая их поцелуями.

— Твой сын давно в душе христианин, — услышал он, — и молится, чтобы ты позволил ему креститься и вместе бы крестился с ним.

Не веря своим ушам, мулла отдернул руки от лица и увидел сына, стоявшего перед ним на коленях. Он привлёк его в свои объятия и целовал юношу в лоб и в глаза; потом возвёл очи свои к небу и сказал:

— О, милосердый Иисус Христос, Спаситель наш! Теперь, хотя бы и смертью нам грозили! Пусть мои бедные жёны оставят меня, но я не отступлю от Господа Иисуса Христа.

— Господин наш, — сказали обе жены его, — мы слушали всю беседу твою с этими добрыми людьми и хотя не всё поняли, что слышали, но видели, что они тебе сказали слово Божие. Твоя вера будет и наша вера; в христианском законе не бывает двух жён, но мы будем тебе сёстрами и слугами, только не оставляй нас — ты и сын твой.

Мулла плакал от радости и в первый раз в жизни совершил на себе крестное знамение.

— Будь нашим крёстным отцом, — говорил он Ивану Федотовичу, пожимая его руку, — а тебе, святой человек, — обратился он к страннику, — позволь поклониться до земли по христианскому обычаю.

⁹ Ин. 17: 21–24.

К удивлению муллы, странника уже не было среди них; сначала мулла подумал, что старик на время отошёл от них и попросил псаломщика привести его вечером, но вечером пришел Иван Федотович с вестью, что не мог найти странника. Так и не узнали, что это был за человек.

Примечание

Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863—1936) — митрополит Киевский и Галицкий (с 30 мая 1918 г.), первоиерарх Русской Православной Церкви, почетный председатель Почаевского отдела Союза Русского Народа, выдающийся духовный писатель, богослов и философ, сторонник восстановления патриаршества Русской Церкви, доктор богословия, миссионер. Происходил из дворян. Воспитанник Санкт-Петербургской пятой гимназии (окончил с золотой медалью), Санкт-Петербургской Духовной академии (1881–1885, окончил со степенью кандидата богословия). С 14 лет принимал участие в архиерейских богослужениях в качестве чтеца. 15 мая 1885 г. в возрасте 22 лет принял монашество, рукоположен во диакона (12 июня 1885 г.), во иеромонаха (29 сентября 1885 г.). После окончания академии поступил на службу по духовно-учебному ведомству, был назначен помощником инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии (1885–1886), преподавателем гомилетики, литургики и каноники Холмской духовной семинарии (1886–1887). В 1887–1889 гг. выполнял обязанности доцента Санкт-Петербургской Духовной академии, с 1889 г. — инспектора. В 1888 г. получил ученую степень магистра богословия за диссертацию «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности». В 1890 г. назначен ректором Санкт-Петербургской семинарии с возведением в сан архимандрита, в 1891 г. — ректором Московской Духовной академии. Благодаря его стараниям в 1892 г. в МДА начал выходить журнал «Богословский вестник». В 1895 г. переведен ректором в Казанскую Духовную академию (1894–1900).

В 1897 г. был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 1 марта 1899 г. 1-й викарий с титулом епископ Чистопольский. В 1900 г. назначен епископом Уфимским и Мензелинским, в 1902 г. — епископом Волынским и Житомирским. 6 мая 1906 г. возведен в сан архиепископа. С 19 мая 1914 г. — архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1905–1907 гг. и впоследствии поддерживал Союз Русского Народа и другие монархические организации. В 1911 г. советом Казанской академии был удостоен степени доктора богословия (утверждён в звании Святейшим Синодом 15 июля). Награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

Член Поместного Собора 1917–1918 гг. Во время избрания Патриарха Московского и всея России в ноябре 1917 г. получил наибольшее число голосов (жребием из трех кандидатов был избран митрополит Московский Тихон). В ноябре 1917 г. возведен в сан митрополита. После убийства Киевского

митрополита сщмч. Владимира (Богоявленского) епархиальным собранием в мае 1918 г. был избран на Киевскую кафедру.

С 1920 г. в эмиграции. Председатель Русского Всеаграничного Церковного Собора (21 ноября — 2 декабря 1921 г.) в г. Сремски-Карловци (Югославия). 9 сентября 1927 г. возглавляемый им Архиерейский Собор РПЦЗ принял решение прекратить сношения с церковной властью в Москве.

Скончался в г. Сремски-Карловцы, погребен в Белграде в склепе Иверского храма. Перед кончиной принял схиму.

Особое внимание уделял развитию православного миссионерства среди мусульманского населения, налаживанию проповедничества. В 1897 г. выступил инициатором проведения в Казани 3-го Всероссийского миссионерского съезда. Был автором ярких и интересных богословских работ об исламе, носящих отчётливый миссионерский характер.

Печатается по: Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого в 17 томах. Издание Северо-Американской и Канадской епархий, 1961–1969. Т. 17.

